

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О ПОЛОЖЕНИИ РАБОВ В РИМСКОЙ ГАЛЛИИ I—III ВВ.

Решение вопроса о положении рабов затрудняется тем обстоятельством, что эпиграфические памятники Галлии имеют в виду главным образом не рядовых, а в известном смысле привилегированных рабов. Другие источники отсутствуют. Отсюда попытка историков решить проблему на основе общих для империи материалов, преимущественно юридических. Так, например, по мнению П. М. Дюваля, положение рабов в Галлии можно представить себе только с помощью римских законов, не будучи при этом уверенным, что они не получили там особого применения¹. Другим следствием отмеченного состояния источников является идеализация положения рабов. Апологетом рабства в Галлии с позиций критики современной эксплуатации пролетариата в качестве наемного рабства выступал К. Жюллиан. По его утверждению, рабство, развиваясь, способствовало появлению новых форм человеческого идеала: прилежание к труду, дисциплинированность, доброта господина, признательность слуги. Дисциплинированность — результат строгого наблюдения, а трудолюбие — источник надежды через скопленные таким образом средства получить свободу. Посвящения рабов своим господам и совместные погребения господ с их рабами и отпущенниками приводят Жюллиана в умиление и служат основанием для его заключения о том, что античное рабство в известном смысле отличалось большей человечностью, чем сегодняшний наемный труд. «Ничего нет более трогательного, — пишет он, — чем эти надгробные памятники Галлии, алтари, на которых господин молил богов за своего сына и своего раба, и могилы, где он покоился в мире со своим слугой»². Не отрицая фактов возмущения и саботажа со стороны рабов, Жюллиан рассматривал их как проявление недовольства, по своей природе обычного для всех времен³.

В действительности же, надписи, являющиеся основным источником для исследователей, свидетельствуют о положении не большинства рабов, земледельческих или занятых в ремесле и рудниках, т. е. в отраслях, где использовалась основная рабочая сила. Посвящены они, как правило, рабам-вилика́м, актерам, рабам-мастерам, интендантам и другим служащим, слугам, лицам интеллигентных профессий, которые не только возвышались над собратьями по сословию, но и управляли ими⁴. Такие надписи важны для историка не только потому, что они отражают конкретное положение некоторой части рабов, но и позволяют судить о характере самого рабовладельческого общества, отличавшегося сослов-

но-классовой структурой. Рабы здесь не только угнетаемые, но при рабском юридическом статусе они сами иногда выступали в качестве рабовладельцев. Например, в надписи из Виндониссы доморощенный раб императора, занимавший должность помощника интенданта, имел рабов-викариев, которые, в свою очередь, были состоятельны и весьма влиятельны. Это видно из того, что один из викариев упомянутого раба, Асклепиад, восстановил за свой счет для сельчан Виндониссы сожженный пожаром храм Юпитера⁵. Викария императорского раба встречаем в Лугдуне (CIL, XIII, 1818), у свевов (CIL, XIII 6423), викария раба колонии — в Нарбоне (CIL, XII, 4451), у медиоматриков надпись сохранила имя вилика Цельза, имевшего своих вольноотпущенников (CIL, XIII, 4352). В надписи из Августодуна (Автун) обращает на себя внимание тот факт, что отпущенники севира августала Квинта Секунда Квигона, Секунд и Гибернал, называют себя отпущенниками не Квинта, а Квигона, используя для обозначения своего патрона не преномен его, как принято в таких случаях, а когномен⁶. По-видимому, названные отпущенники были рабами Квигона, когда тот еще сам был рабом. Он остался для них Квигонем и после того, как стал свободным человеком. Предпринимательская деятельность, ради которой Квинт Секунд Квигон, будучи треверским гражданином, поселился у эдучей, а также его титул севира августала, подтверждает его статус отпущенника: севиры августалы составляли особое сословие — *ordo augustalium* или *ordo libertinum*.

Особенно высоким материальным и общественным положением отличались, естественно, императорские рабы, которые использовались на самых различных государственных службах, в том числе в императорских канцеляриях, табуляриях, ведомствах по сбору налогов и всевозможных пошлин⁷.

Многочисленные надписи, свидетельствующие о совместном погребении господ со своими рабами, отражают в большинстве случаев положение не рядовых рабов, а наиболее приближенных к господину слуг, воспитанных или родившихся в его доме. Так, например, в Лугдуне открыто надгробье для господина и его кормилицы⁸. В Бурдигале у сантонов некий Есцинг, сын Басса, исполнил обет, данный Юпитеру Августу, за своих сыновей и доморощенных рабов⁹. Своим родителям и рабу поставили надгробье дети в общине конвенов¹⁰. С доморощенным рабом похоронен господин в Нарбоне (CIL, XII, 5012).

В этой же связи следует рассматривать посвящения господ своим рабам¹¹, а также посвящения, поставленные рабами своим господам. Известна, например, надпись из общины левков, которая сообщает о том, что рабская фамилия из Виндониссы с радостью исполнила должный обет Юпитеру Всеблагому Величайшему за здоровье господ и их детей (CIL, XIII, 4665). В Апте раб Руфин поставил посвящение от себя Корнелии Серванде, дочери некоего Луция¹².

Рабы, находившиеся в привилегированном положении, имели чаще других семьи, к тому же нередко были связаны брачными узами со свободными. Об этом можно узнать, например, из надписи, открытой в Лугдуне, в которой говорится о том, что императорский доморощенный

раб Фелициан поставил надгробье своему сыну вместе со своей женой, свободнорожденной женщиной, Сатрией Луциллой (CIL, XIII, 1824). В надписи из Арелаты раб оповещает, что памятник им поставлен своей госпоже, являющейся одновременно его женой: «...dominae et uxori» (CIL, XII, 682). В другой надписи из Лугдуна отражен случай, когда, наоборот, жена являлась рабыней, воспитанной в доме мужа, бывшего своего господина: «...Agathangelus vernaе et coniugi...» (CIL, XIII, 1683).

Имели семьи или находились, по крайней мере, в более или менее прочном сожителстве некоторые рабы, занимавшие и не столь высокое положение. Об этом свидетельствуют посвящения рабов своим родным, причем, без указания на свое положение в семье господина или обществе. В надгробной надписи, обнаруженной у лингонов, упоминается, например, только имя раба, которому посвящается памятник, а в качестве посвятителей называются его сестра и брат: «Ponticus Sacrodivi s(ervus) soror et frater d(o)n(a)v(erunt)» (CIL, XIII, 5830). Аналогичное посвящение открыто в Нарбоне (CIL, XII, 4874), у сантонов в Бурдигалле: «D. M. Martini sive Severi Crescens Flavini ser(vus) fratri» (CIL, XIII, 796). В окрестностях Новиомаги у неметов (Шпейер) надгробье и эпитафия посвящены рабу — мальчику-пастуху (CIL, XIII, 6109), аналогично посвящение мальчику-рабу, по-видимому, также являвшемуся пастушонком, поставленное его родителями в Белгике, близ современного местечка Ферен (CIL, XIII, 4199). Семейные связи среди рабов-пастухов, как известно, были наиболее частыми, по сравнению с другими сельскими рабами¹³.

Иногда раб принадлежал одновременно нескольким рабовладельцам. На бронзовом предмете, обнаруженном в Авиньоне, читаем, например: «Салин, раб Домициев» (CIL, XII, 5690, 38: «...Domitior(um) ser(vus) Sal(inus)». Об отпущенниках нескольких господ речь идет в надписях из Нарбона: «Тетриния, отпущенница Публия и Мулиера» (CIL, XII, 5231); «Марция Мурилла, отпущенница Квинта и какой-то женщины» (CIL, XII, 4979). В Нарбоне же встречаем отпущенника Статия, сделавшего посвящение пяти лицам, которых он называет своими патронами¹⁴. Там же одна из надписей называет Букция и Гиляра, которые были отпущенниками двух рабовладельцев, Луция и Публия Салонов (CIL, XII, 5360). В Луке встречается посвящение с именем Кая Венэзия Епафродита, являвшегося отпущенником Кая Целия Гермагоры и Венэзии Атициллы (CIL, XII, 1563).

Так же как и в Италии, рабы в Галлии вместе с вольноотпущенниками, которые продолжали оставаться при господине и после своего освобождения, были связаны общим для них культом Гения господина¹⁵ и составляли рабскую фамилию или фамилию либертинов и рабов¹⁶.

Надписи свидетельствуют и том, что городские рабы, преимущественно те, которые были заняты какими-нибудь ремеслами, объединялись в профессиональные коллегии, как правило, вместе с отпущенниками и свободными работниками. Так, например, в двух арелатинских надписях речь идет об алюмнах, рабах-воспитанниках, являвшихся членами коллегии утрикляриев, т. е. перевозчиков (CIL, XII, 729, 733). В одной из вьеннских надписей упоминаются объединенные в коллегию актеры —

«scenici Asiticiani et qui in eodem corpore sunt» (CIL, XII, 1929), по своему социальному статусу могущие быть, как известно, рабами и свободными. О профессиональных связях рабов свидетельствуют их посвящения своим сотоварищам. Надгробная надпись из Арелаты, например, сделанная в честь юноши-раба, в качестве посвятителей называет целую группу лиц, в том числе Фортунату, Астерга, Фаустина Дионисия и других, имена которых не сохранились. Испорченность надписи не позволяет установить, рабами или свободными были сотоварищи усопшего, но Фортуната названа вольноотпущенницей. В одной из надгробных надписей у лингонов перечисляются рабы и отпущенники разных господ: Монтан, отпущенник Феликса, Вольтодака, отпущенница Капитона, Маскулл, раб господина, имя которого плохо сохранилось на памятнике (CIL, XIII, 5816). Сотоварищи рабы поставили посвящение в Немавзе богам Манам Тиха: «Dis Manib. Tuches conservi» (CIL, XII, 3966). Гераклиде, Маритиму и Гермодиону поставили надгробье их сотоварищи рабы Пуденс и Матур в Лугдуне: «D. M. Heraclidae Maritimi Hermadionis Pudens et Maturus conservi» (CIL, XIII, 2153)¹⁷.

О положении основной массы рабов, особенно сельских, не оставивших следа в эпиграфических памятниках, судить крайне трудно. Однако, учитывая такие факты, характеризующие галльскую виллу рустика, т. е. ту часть господского имения, в которой располагались хозяйственные постройки, как наличие вилика, особых помещений для инвентаря, жилья работников, общего зала, служившего для последних одновременно кухней, столовой, местом отдыха, а также работы в непогодные дни¹⁸, можно прийти к заключению, что быт сельскохозяйственных рабов в Галлии не отличался в своих основных чертах от условий существования римско-италийских рабов, занятых в той же сфере производства. Остатки эргастула, обнаруженные при раскопках одной из сельских вилл, и рабских кандалов — в другой¹⁹, свидетельствуют о применении суровых средств для наказания рабов. Об этом же позволяют догадываться эпиграфические данные. В Нарбоннской надписи, датируемой I в. н. э. и посвященной рабу, который в конце концов добился освобождения благодаря своей покорности и прилежанию к труду, отмечается, как нечто исключительное то, что он, служа господину, не знал побоев. Та же эпиграфия повествует о том, что даже будучи прилежным, раб не получал должного вознаграждения: «...et pretio [obtin] uit, quod prec [en]on valuit. Officiis vicis [do]minum nec verbera sens[it], [p] — raemia non habuit...» (CIL, XII, 5026).

Известно также, что рабы не всегда оказывались покорными и выражали свой протест иногда в самой крайней форме. В надписи из Майнца читаем о том, что тридцатилетний рабовладелец был убит своим рабом, который и сам после этого покончил жизнь самоубийством, бросившись в реку: «Lucundus M. Terentil. pecuarius... vivere non potui plures XXX per annos nam erupit servus mihi vitam et ipse praevipitem sese deiecit in amnem» (CIL, XIII, 7070). Этот факт тем более примечателен, что жертвой стал рабовладелец-скотовод — ресуариус. Следовательно, решившийся на отчаянный поступок раб был сельским. Месть рабов за жестокость своих господ в период Римской империи вообще являлась

довольно частым делом²⁰. Нет сомнения, что исключительно тяжелым было положение рабов-рудокопов, трудившихся, как мы отмечали на примере императорской рабской фамилии у рутенов, под контролем раба-виллика²¹. То же следует сказать о рабах-гладиаторах, постоянно рисковавших жизнью ради потехи жаждущих зрелищ²².

О борьбе рабов свидетельствуют и социальные движения, имевшие место в Галлии в I—II вв., т. е. в период так называемого *раха Романа*. В этих движениях, наряду с другими, низшими, слоями населения, принимали участие и рабы. Повествуя о восстании Флора и Сакровира в 21 г., Тацит говорит о рабах-гладиаторах, которые будучи забронированными в железо и потому оказавшимися менее уязвимыми в сражениях, были как раз наиболее упорными и составляли боевую линию фронта восставших (Ann., III, 43—46). Рабы, как предполагается, были участниками и более позднего антиримского движения, вспыхнувшего в 173—174 гг. во время первой германо-языгской войны Марка Аврелия²³. Известно также, что рабы состояли в отрядах дезертира римской армии Матерна, возглавившего грандиозное движение против Рима в 186 г.²⁴

Наличие многочисленных надписей о вольноотпущенниках свидетельствует о широкой практике отпуска рабов на волю в изучаемый период. Мотивы освобождения от рабской зависимости были различные. Нередко рабы становились вольноотпущенниками по завещанию. Так, например, в одном из надгробных посвящений в Лугдуне упоминаются несколько вольноотпущенников по завещанию: «...liberti testamento» (CIL, XIII, 1941). Отпущенница по завещанию, Прима, называется в надгробье из Лугдуна конвенов в Аквитании: «Prima lib. ex test.» (CIL, XII, 287). В надписи из Бурдигалы посвяtitель заявляет о себе как об отпущеннике и наследнике своего господина по завещанию: «Lib. et her. test. (CIL, XIII, 621). Вольноотпущенниками по завещанию названы Парат и Мансвет в Немаузе (CIL, XII, 3380: «...Paratus et Mansuet(us) ex testame(nto)», Мессия Протогенія — в Нарбоне (CIL, XII, 4989: «Messia Protogenia ex testamento»). В качестве одного из мотивов отпуска рабов на волю было сожительство их со свободными. В этом аспекте представляется интересной эпитафия, происходящая из общины рутенов: «D(is) M(anibus) Iun(iae) Tertiolae Ter(tius) [или Ter(tiolus) или Ter(tiola)] et Iun(ius) [или Iun(is)] Prim(us) [или Prim(a)] fil(ii) [или fil(iae)] d(e) s(uo) f(ecerunt). Frat(er) eius Iap(idem) mar(morum) d(e) s(uo) d(edit)»²⁵, т. е.: «Богам Манам Юнии Тертиолы, Терций (или Тертиол, или Тертиола) и Юний (или Юнис) Прим (или Прима), сыновья (или дочери) от себя сделали. Брат ее дал от себя мраморный камень». Среди других интерпретаций этой надписи предлагается следующая: «Юния Тертиола, которой посвящена эпитафия, являлась отпущенной рабой. Первый из ее детей, Тертий (Тертий, или Тертиол, или Тертиола) родился, когда она была еще рабыней, а не отпущенницей»²⁶. В надписи из Намауза отражен аналогичный факт, только здесь речь идет, наоборот, о женщине свободнорожденной, мужем которой был ее бывший раб: «C. Seius Epagathio sibi patronae uxori vivus fecit» (CIL, XII, 3892).

О том, что Гай Сей Епагафион был отпущенником своей жены, свидетельствует термин «патронесса», обычный для выражения взаимоотношений господ и отпущенников, а также изображение на его надгробье двух колпаков как символа вольноотпущенничества²⁷. Одна из лугдунских эпитафий посвящена Марку Силению Симфору, севиру августалу в Лугдуне, Арелате, Рейзе его отпущенницей-женой, Силенией Латинной: «D. M. M. Sileni(i) Symphori IIIII vir(i) Aug(ustalis) Lug(duni), Arelate, Reis, Silenia Latina, liberta idemque uxor, patrono et marito...»²⁸. Совершенно аналогичны надписи из Вьенны²⁹, общины воконтиев³⁰, Нарбона³¹, надписи, обнаруженные между Уцетией и Немаузом³², в Бурдигале³³, Женева³⁴.

Рождение в результате сожителства рабыни со свободным человеком также являлось иногда причиной отпуска на волю. Здесь можно сослаться на надпись из Нарбона: «P. Nova [nus] P. l. Familia [ris] Navana P. Z. Repentina P. Novanus P. l. Cupitus sibi et patrono et matrigi» (CIL, XII, 5013). Перед нами, таким образом, мать и сын, отпущенники одного и того же господина, Публия Нована Фамилиария, что стало возможным при условии, если Нована Репентина была наложницей Публия Нована, от которого у нее и родился сын, Публий Нован Купит, получивший от него, как и мать, свободу.

Известны случаи отпуска раба на волю за безупречную службу или за выкуп благодаря скопленным трудом необходимых для освобождения денег. В упоминавшейся выше надписи прямо говорится о том, что иноземный раб добился освобождения благодаря своему труду (CIL, XII, 5026). В Апте встречается посвящение Меркурию, поставленное вольноотпущенником по обету, данному им еще до своего освобождения: «... ser(vus) v(ovit) liber s(olvus)» (CIL, XII, 108). Поскольку посвящение поставлено богу Меркурию, можно думать, что в данном случае раб сумел выкупить себя на деньги, скопленные благодаря занятию выгодным ремеслом или торговлей. В Арелате памятник Гению своих господ Макра и Лициниана, из рода Анниев, поставил бывший раб Алфий, также по обету после освобождения (CIL, XII, 619). Приводившаяся выше надпись из Немауза называет имя вольноотпущенника — Луция Юлия Пекулиария (CIL, XII, 3649). Peculiarius, употребленное здесь как когномен, представляет собой синоним раба. Отсюда вытекает, что Луций Юлий Пекулиарий до своего освобождения был рабом на пекулии, а после отпуска на волю сохранил в качестве прозвища название, отражающее особенность его прежнего рабского положения.

Вольноотпущенничество не являлось выражением гуманности рабовладельцев или следствием легкой возможности для рабов при желании перешагнуть барьер, отделявший их от свободных. Вольноотпущенничество диктовалось, прежде всего, потребностями развивавшегося рабовладельческого общества, о чем свидетельствует большое число отпущенников в наиболее романизированных областях Галлии³⁵, и касалось преимущественно находившихся в сравнительно привилегированных условиях городских рабов, которым и посвящены, в первую очередь, исследуемые памятники. Случаи освобождения сельских рабов отражены в

источниках крайне редко. О них позволяют догадываться, например, имена отпущенников с характерными когномина: Виликус, Колонус, Рустикана³⁶. Эти когномина, по-видимому, отражают тот факт, что носители их в прошлом являлись сельскими рабами.

Примечательным является тот факт, что отпущенные на волю рабы при стечении благоприятных условий в их жизни сами становились рабовладельцами, содействуя таким образом воспроизводству рабства. Для Галлии имеется масса соответствующих примеров³⁷. Это доказывает жизнеспособность рабовладельческих отношений в изучаемый период.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Paul-Marie Duval. *La vie quotidienne en Gaule pendant la paix romaine* (I—III siècles après J. C.), Librairie Hachette, 1952, p. 31.

² C. Jullian. *Histoire de la Gaule*, IV. P., 1914, p. 279—280; V. P. 1920, p. 218.

³ Jullian. *Op. cit.*, V. p. 312—313.

⁴ См. Н. Н. Белова. О формах зависимости в сельском хозяйстве римской Галлии I—III вв. (По эпиграфическим и археологическим данным)—ВДИ, 1970, № 1, стр. 122—124; Е е же. Рабы ремесленных и непроизводственных профессий в римской Галлии I—III вв. (преимущественно по эпиграфическим данным).—АДСВ, 1972, вып. 8, стр. 56—72.

⁵ CIL, XIII, 5194: "In hono[rem domus divinae] Iovis templu[m incendio] cosu[mptum] Asclepiades...[Aug] vernaе disp[ensatoris vicarius] vicanis Vind[onissen-sibus] de suo re[stituit]".

⁶ CIL, XIII, 2669: "Q. Secund Quigonis civis Treveri IIIII vir Augustalis in Aeduis consistentis omnib. honorib. inter eos functi. Quigoni Secundus et Hibernalis liberti et heredes patrono optimo..."

⁷ Н. Н. Белова. Рабы ремесленных и непроизводственных профессий..., стр. 67—68, 72.

⁸ CIL, XIII, 2104: "Rottio hic sit(us es)t...(q)ui sibi mox(q)ue su(ae) nutrice Marciane item Verinae conlactiae haec monument dedit..."

⁹ CIL, XIII, 568: "Escinges Bassi fi(lius) Iovi Augus(to) pro f(illis et vern(is) v.s.l.m.)"

¹⁰ CIL, XIII, 170: "Ulohoxo Ulucirris et Karinae Gai f. uxori et Montano servo filii f.c."

¹¹ CIL, XII, 3612: "D. M. Hermetis Sex. Avius Varus servo optimo"; ib., XII, 3838: "D. M. Primitivae M. Iul. Montan servae optimaе." ib., XII, 5075: "Primigenio ser. domini amantissimo..."; ib., XII, 5920: "D. M. Eroti servo optimo Iulia Advena p.;" ib., XIII, 4337: "...Titus domin. posuit;" ib., XIII, 696: "D. M. Cintugnato Pub(lij) Lucii(servo)...Lucius dominus ponendum curavit." Надпись сопровождается скульптурным портретом раба (Е. Esperandieu, *Recueil général des bas-reliefs de la Gaule romaine*, II, P., 1908, n. 1147); CIL, XIII, 834: "Samoni...Gracillis dom(inus)..." ib., XII, 4573: "Viv. Albia C.f./.../sibi et liber/.../abus et..."

¹² CIL, XII, 1126: "Corneliae L. f. Servandae Rufinus s(ervus?) d(e) s(uo) p(osuit)". Аналогичные надписи встречаются в Немаузе: CIL, XII, 3828: "D. M. Sex. Porci Damae Amandus et Fortunata ser. v. p.;" ib., XII, 3055: "G(enio) Q(uinti) n(ostri) Trophimus ser(vus); ib., XII, 3052: "G(enio) G(ai) n(ostri) Asconius ser(vus)."

¹³ М. Е. Сергеевко. Жизнь древнего Рима. М.—Л., 1964, стр. 275.

¹⁴ CIL, XII, 4883: "Q. Iulio Tarsae f. Congonico, T. Iulio Q. f. Pedono, L. Iulio Q. f. Nigro, Sex. Iulio Q. f. Sextio, M. Iulio Q. f. Severo. Statius l. patronis suis."

¹⁵ CIL, XII, 3051a, 3052, 3053, 3055, 4314, 5424, 1025; XIII, 4291, 4665.

¹⁶ CIL, XIII, 2972: "/L/ibertorum e/t/ familiae T.../F/erocis libertorum(que) eius fam(ilia f/ecit). "CIL, XII, 289: "T. Iulius Cupitus hic situs est conl(iberti) et fam(ili)ae d.s.d." CIL, XII, 4887: "...familia libertorum libertarum C. Iuli Aucti /1/ Erot(is)..."

¹⁷ Аналогичны надписи CIL, XII, 3310, 3621.

¹⁸ Н. Н. Белова. О формах зависимости в сельском хозяйстве..., стр. 122—124, 128—133.

¹⁹ Там же, стр. 128—129.

²⁰ Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, стр. 233.

²¹ Н. Н. Белова. Рабы ремесленных и непроизводственных профессий..., стр. 57.

²² Там же, стр. 66, 72.

²³ Ш. Садецки-Кардоши. К вопросу о социальных движениях в Галлии во II столетии.— "Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae", t. 3, f. 3, 1955, стр. 234—235.

²⁴ См.: А. Д. Дмитриев. Движение багаудов.— ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 102—104; Ш. Садецки-Кардоши. К вопросу о социальных движениях..., стр. 236, примеч. 10; Е. М. Штаерман, М. К. Трофимова. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи, стр. 232.

²⁵ A. Albenque. Les Ruthènes, P., 1949, p. 297—298.

²⁶ Там же.

²⁷ См. прим. к надписи в CIL, XII, 3892.

²⁸ P. Willeumier. Inscriptiones latines des Trois Gaules, XVII supplément à "Gallia". P., 1963, n. 240.

²⁹ CIL, XII, 1973: "Labeniae Memrsi optimaе et piissimae lib. et coniugi P. Labenius Trophimus..."

³⁰ CIL, XII, 1434: "D. M. Misae Granian...lib. Victorinus Lucini fil uxori carissimae..."

³¹ CIL, XII, 4811: "Fadiae Quartae Fadius Amphion uxori et lib..."

³² CIL, XII, 3782: "...marito piissimo eidemque patrono. "Ib., XII, 3801: "...libertae et uxoris..."

³³ CIL, XIII, 865: "Sinutiae Urbanae Sinutius Ippolytus libertae et coniugi."

³⁴ CIL, XII, 2628: "D. M. et qu/eti aeternae Ma/nsvetinae Iu/sti/nae libertae /ka/rissimae et con/iu/gi incompara/bi/li feminae san/ct/issimae C. Ma/ns/vetinius Pa/te/rnus patronus".

³⁵ Н. Н. Белова. Рабы ремесленных и непроизводственных профессий..., стр. 56—72. См. также надписи в CIL, XII и XIII.

³⁶ Н. Н. Белова. О формах зависимости в сельском хозяйстве..., стр. 123—125; CIL, XIII, 3572; XII, 5363, 1129.

³⁷ Выше приводилась надпись о рабовладельце-отпущеннике, который был убит своим рабом (см. стр.). См. также надпись из Нарбона CIL, XII, 5012: "P. Novatius P. I. Aescinus hic est sepult cum suo vernione. Весьма многочисленные надписи, в которых речь идет об отпущенниках отпущенников. Так, например, в Нарбоне открыто посвящение, поставленное отпущенником Квинта Квинтом Терентием Сереном отпущеннику Квинта Квинту Терентию Дафну, как «своему патрону, детям и отпущенникам его и их, а также детям и отпущенникам отпущенников, себе и своим» (CIL, XII, 4422: "v. Q. Terentius Q. I. Serenus Q. Terentio Q. lib. Daphno...liberis et libertis et libertis eorum omnium item libertorumque liberis et libertis et sibi et suis"). В Нарбоне же некий Юлий Геллес, отпущенник Исаргира, поставил посвящение себе и своей отпущеннице Верекундии (CIL, XII, 4890: "v. Iulius Isargyri I. Helles sibi et Verecundiae I."). Некто Атилл Ювент, отпущенник Публия, поставил посвящение родственникам и отпущенникам своим: "/P./Atillius P. I. Iuventus cognatis et libertis suis." (CIL, XII, 4632). Марк Акций Прим, отпущенник Марка, по профессии изготовитель плащей, посвятил памятник себе, при жизни, и своему отпущеннику Оптату (CIL, XII, 4520: "viv. M. Aescius M. I. Primus vestiarius sibi et Optato l(iberto)"), при жизни поставила себе посвящение и своему отпущеннику Мелиссу отпущенница Мария Венуста Атерона: "Venusta Atero Mari liberta sibi et Melisso lib. suo" (XII, 5216). Аналогичные примеры содержат следующие надписи из Нарбона: CIL, XII, 4627, 5146, 4392, 4490, 4503, 4956, а также надписи из Арелаты (XII, 707), Немауза (XII, 3649), Вьенны (XII, 2015), Пуатье у ликтопов (XIII, 1124), Майнца (см.: Esperandieu, Op. cit., X, n. 7330).